

НИЖНЕЕ ПРИТОБОЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ АЙГИНСКОЕ VIII)

А.В. Гордиенко

Публикуются в полном объеме материалы раскопок поселения Айгинское VIII. Материалы относятся к III в. н.э. и характеризуют культурно-историческую ситуацию в Нижнем Притоболье в эпоху Великого переселения народов. Установлено, что основу населения на Айгинском VIII составляли потомки носителей керамики саровского типа, получившего в Нижнем Притоболье наименование ярсалинского типа. Данные раскопок подтверждают положение о проникновении в лесостепную полосу в начале I тыс. н.э. населения с севера Западной Сибири.

Нижнее Притоболье, поселение Айгинское VIII, первая половина I тыс. н.э., керамика саровского типа, керамика ярсалинского типа.

Введение

Поселение Айгинское VIII открыто в 2005 г. Расположено в Тюменском р-не Тюменской обл., на левобережье р. Туры. Памятник занимает юго-западную оконечность высокого, до 15 м, крутого мыса левого берега р. Айга (вытекает из оз. Айгинского и впадает в Туру). Находится в 39,5 км к востоку от г. Тюмени, на западной окраине д. Щербак. Поселение не имеет рельефных признаков объектов, его границы зафиксированы по осыпи культурного слоя, приблизительные размеры памятника 80×20 м. В 2009 г. осуществлены раскопки площадью 60 м² (15×4 м) (рис. 1).

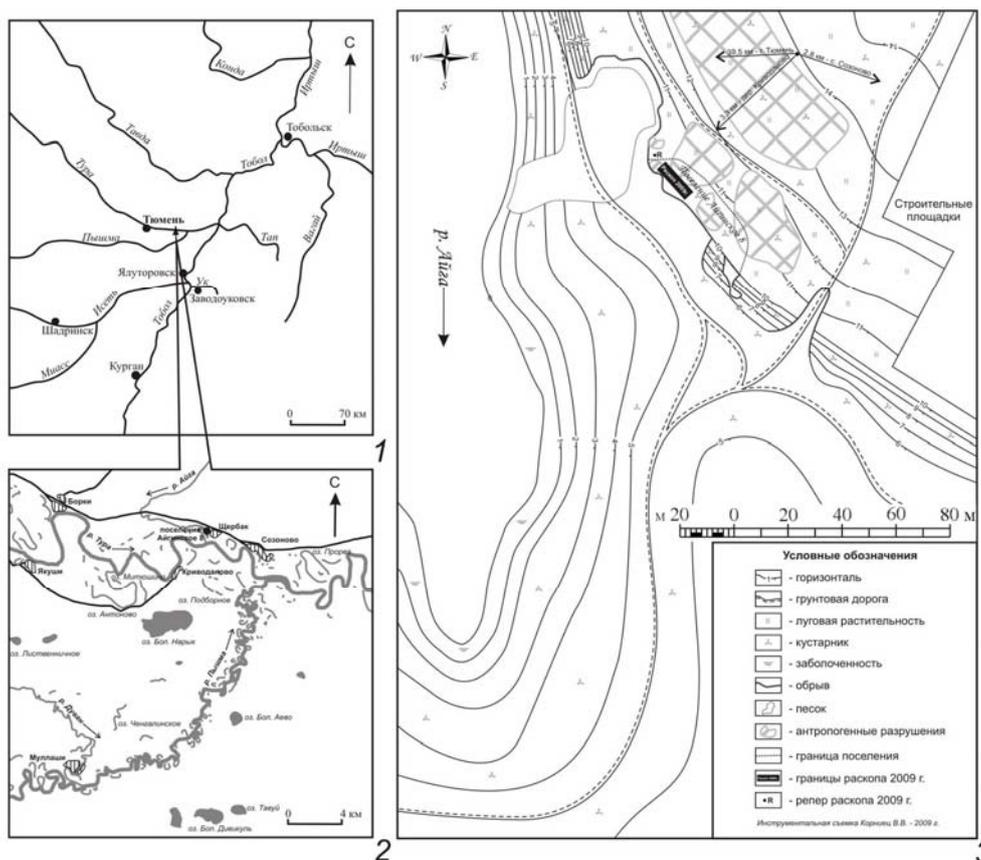

Рис. 1. Административно-территориальное расположение поселения Айгинское VIII

Как отмечено выше, место, на котором расположено поселение Айгинское VIII, представляет собой высокий и сухой мыс, расположенный некогда при слиянии рек Туры и Айгинской (сейчас озеро), вследствие этого заселялся он неоднократно. Так, в нескольких десятках метров от места раскопок найдено несколько фрагментов энеолитической керамики, в раскопе обнаружен развал сосуда переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (иткульская культура), встречена керамика раннего железного века (баитовская культура) и средневековья, но основной комплекс представлен находками переходного периода от раннего железного века к средневековью — ярсалинского времени.

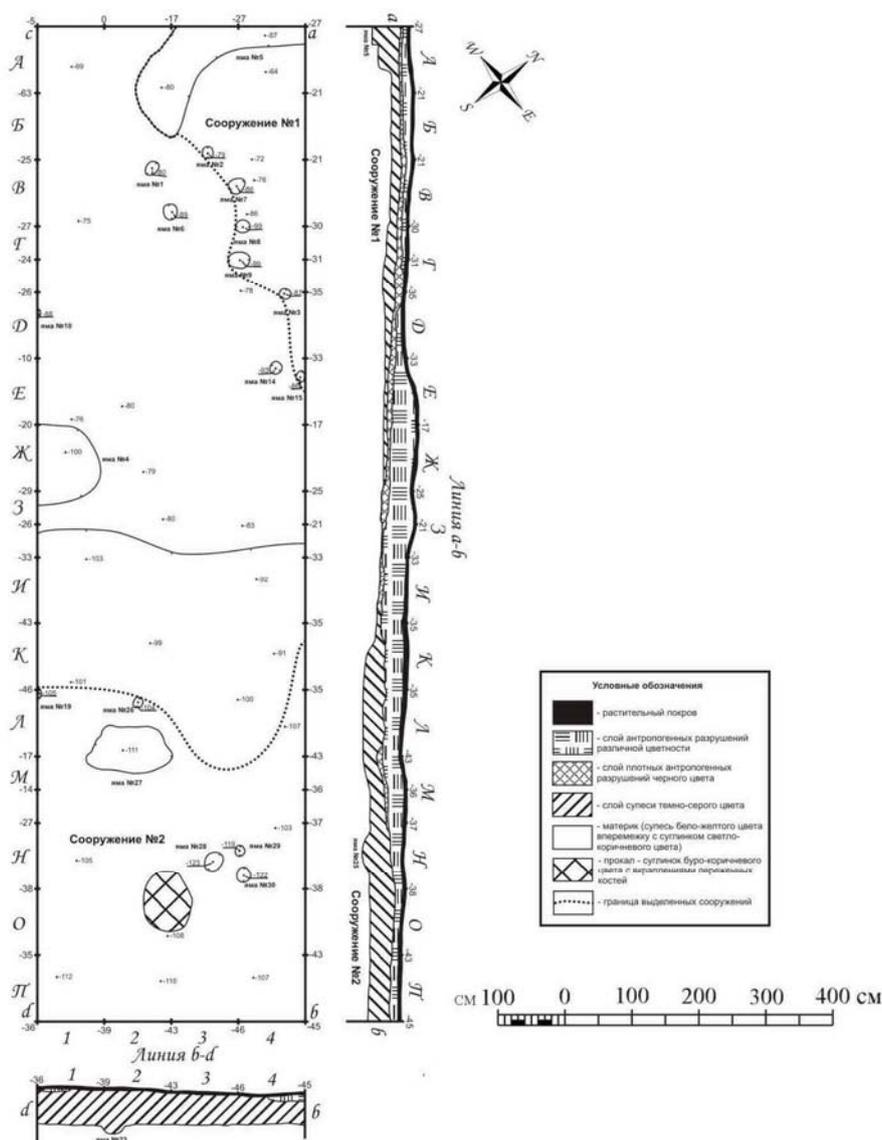

Рис. 2. Стратиграфия и планиграфия поселения Айгинское VIII

Стратиграфия и планиграфия

Стратиграфия раскопа следующая (рис. 2): 1) растительный покров мощностью 0,01–0,16 м; переотложенный растительный покров мощностью 0,01–0,20 м, фиксируется только в секторе 1, в кв. А/1–3, является, по-видимому, бульдозерным сгребом; 2) антропогенные разрушения различной цветности мощностью 0,03–0,43 м, фиксируются на всех стенках раскопа и профилях бровок; также антропогенные разрушения, но более плотной вязкой структуры, черного цвета (битум, рубероид?), фиксируются в виде аморфных пятен и линз на 1 и 2 условных горизонтах у северо-восточной стенки раскопа, мощность 0,01–0,15 м; 3) культурный слой — представлен

супесями нескольких оттенков. Супесь темно-серого цвета, мощностью 0,04–0,57 м, является основным заполнением сооружений № 1, 2, межжилищного пространства, а также заполнением ям № 5, 8–27, фиксируется на всех стенках раскопа и профилях бровок. Супесь светло-серого цвета, мощностью 0,03–0,26 м, фиксируется только в секторе 1, в виде аморфного пятна, вытянутого вдоль юго-западной стенки раскопа; является, возможно, заполнением еще одного сооружения данного поселения. Супесь черно-серого цвета, составляет заполнение ям № 1–4, 6, 7; 4) материк — представлен супестью бело-желтого цвета с выходами суглинка светло-коричневого цвета.

Рис. 3. Индивидуальные находки поселения Айгинское VIII:

1–3 — лошिला; 4 — фрагмент изделия; 5, 9 — пряслица; 6–8, 10, 11 — фрагменты фигурок; 12, 13, 39 — камни со следами обработки/использования; 14 — ложка (?); 15–18 — пластинки; 19, 20 — фрагменты изделий; 21, 27, 30, 34, 35 — фрагменты изделий; 22, 40–42 — наконечники стрел; 23, 24 — сплески (?); 25 — бусина; 26 — фрагмент клинка; 28, 33, 36 — фрагменты полукруглой в сечении полоски; 29, 31 — обкладки-зажимы ножен клинка (?); 32 — рыболовный крючок; 37 — заготовка клинка (?); 38 — клин; 1–11 — глина; 12, 13, 38, 39 — камень; 14 — кость; 15–20, 22–24 — бронза; 21, 26–37, 40–42 — железо; 25 — стекловидная паста

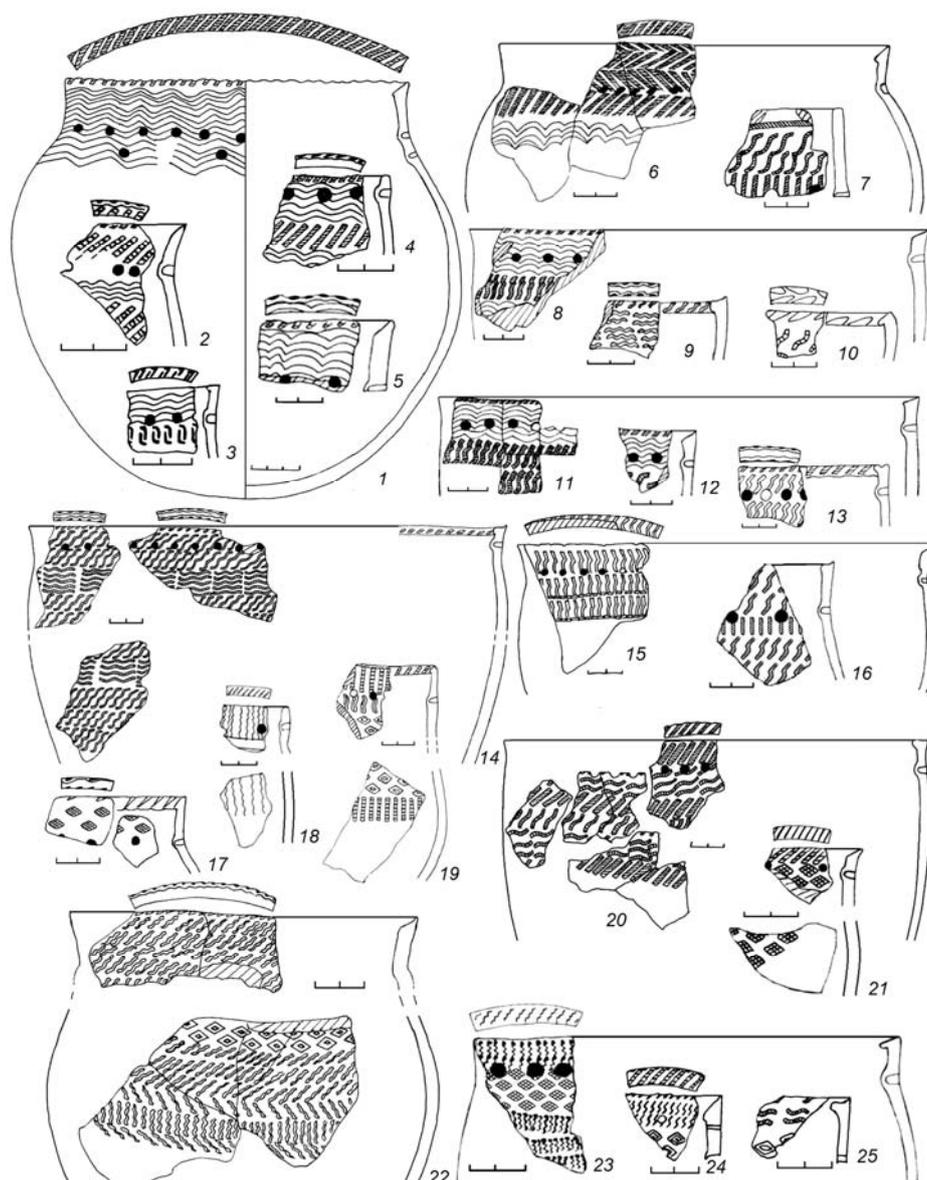

Рис. 4. Керамика с фигурно-штамповым орнаментом поселения Айгинское VIII

В результате исследований выявлены очертания двух сооружений (жилищ).

Сооружение № 1. Очертания проходят по границе ямы № 5 (скорее всего, хозяйственная), далее по крайним границам ям № 2, 7–9, 3 15 и уходят в северо-восточную стенку раскопа. Площадь исследованной части составляет 13,75 м², остатки котлована углублены в материк на 0,05–0,23 м, стенки пологие. Вне сооружения № 1 расположены столбовые ямы № 1, 6, 14, являющиеся, видимо, следами внешних подпорок.

Сооружение № 2. Выявлено по крайним границам ям № 19, 26. Также уходит в северо-восточную стенку раскопа. Внутри сооружения располагается яма № 27, имеющая, вероятно, хозяйственное назначение, а также прокол, представляющий собой пятно овальной формы (размерами 0,9×0,73 м, мощностью 0,03–0,1 м): заполнен суглинком буро-коричневого цвета с вкраплениями кальцинированных костей. В непосредственной близости от прокола треугольником расположены три ямки (№ 28–30), заполненные супесью темно-коричневого цвета с обломками кальцинированных костей (возможно, хозяйственно-производственного назначения). Площадь исследованной части составляет 21,3 м², остатки котлована углублены в материк на 0,03–0,12 м, стенки пологие.

В межжилищном пространстве, у юго-западной стенки раскопа, исследована яма № 4 (размерами 1,45–0,95 м, мощностью 0,35 м), заполнение — супесь черно-серого цвета. Яма достаточно сильно насыщена обломками разных керамических сосудов и имеет, видимо, хозяйственное назначение.

Оба выявленных сооружения исследованы не полностью, это не позволяет реконструировать их площадь и особенности архитектуры, но, по-видимому, они представляли собой слабо углубленные каркасно-столбовые конструкции.

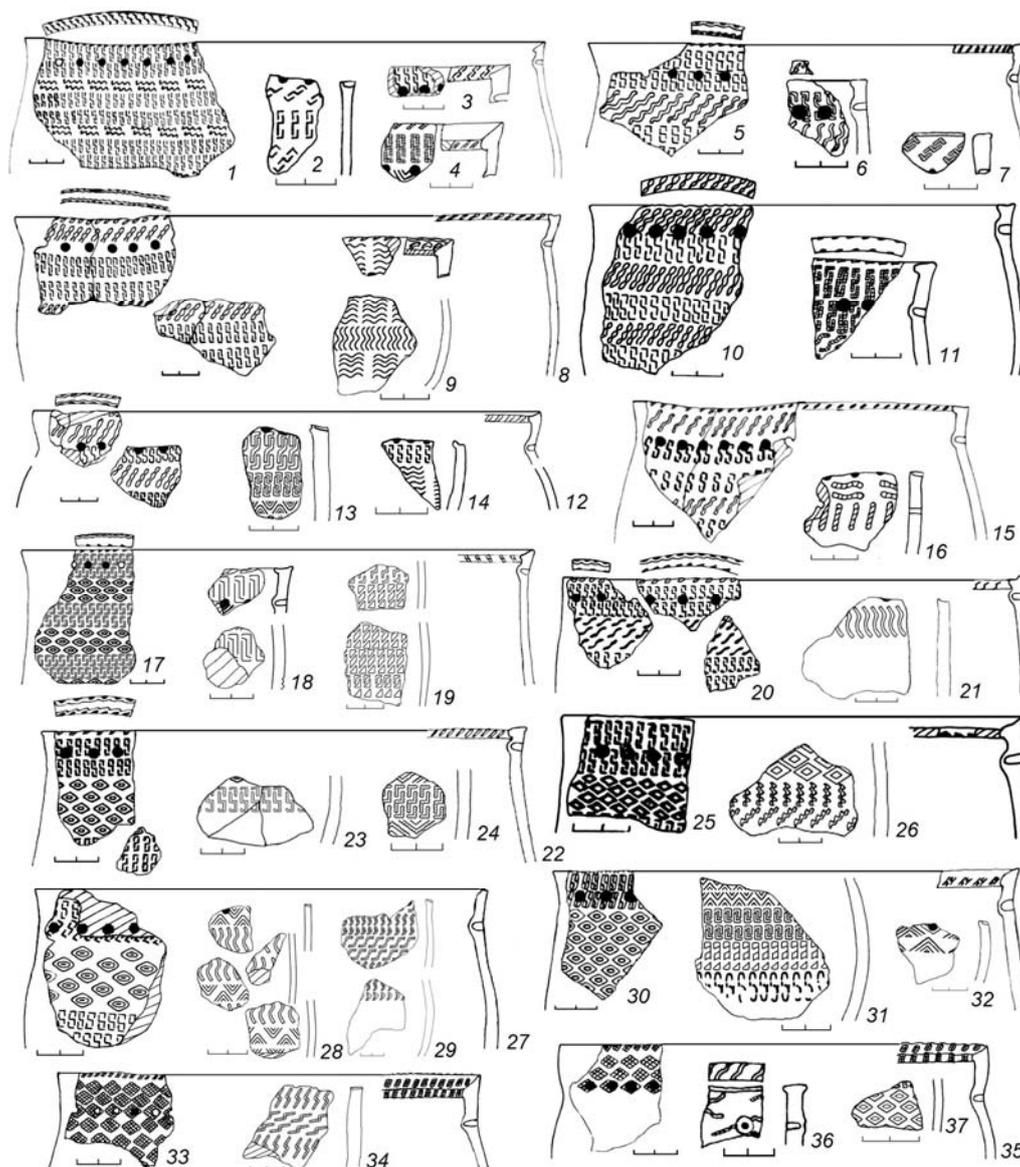

Рис. 5. Керамика с фигурно-штамповым орнаментом поселения Айгинское VIII

Описание и анализ материала

В результате раскопок поселения Айгинское VIII получена коллекция, насчитывающая более 4500 ед. находок. Индивидуальные находки, насчитывающие 42 экз. (изделия из железа, бронзы, камня, глины, стекла, кости), публикуются все без исключения (рис. 3). Большую часть массового материала составляет керамика (рис. 4–8). В данной работе полностью публикуются ярсалинские материалы (как массовые находки, так и индивидуальные), полученные в итоге раскопок 2009 г.

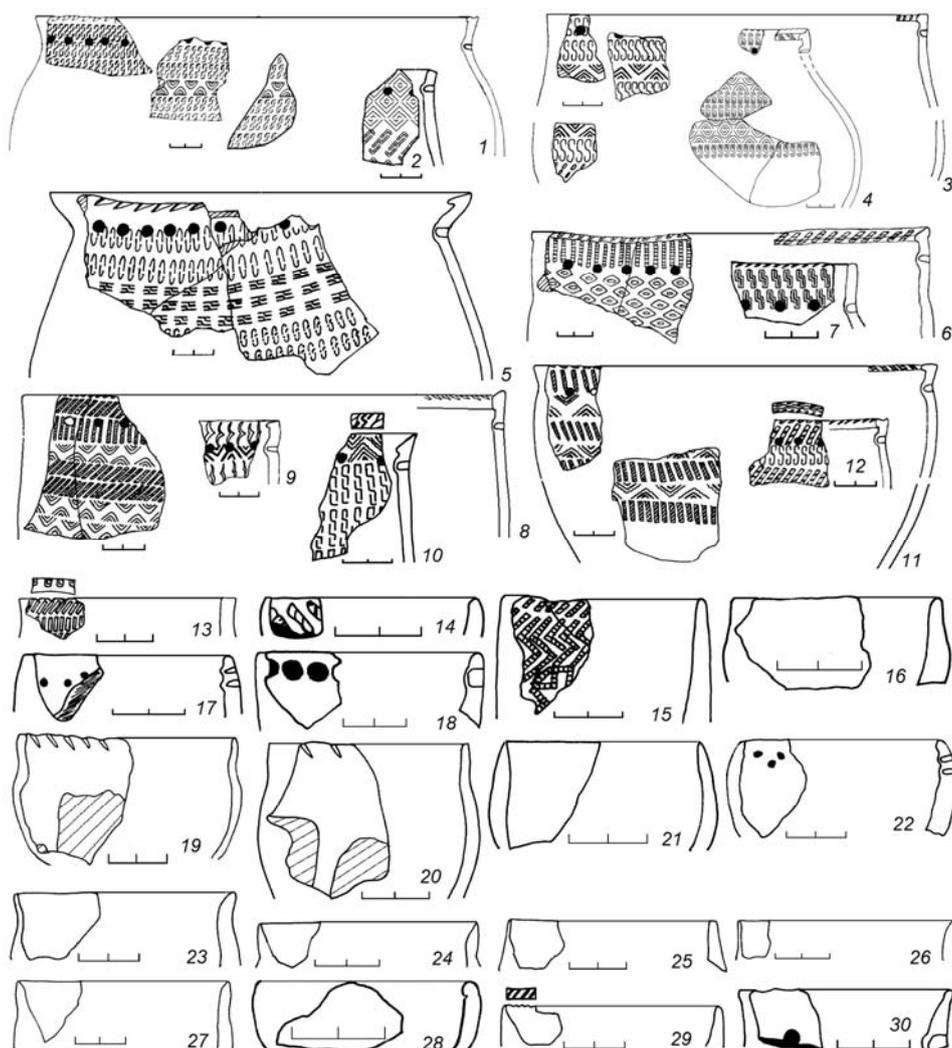

Рис. 6. Керамика с фигурно-штамповым орнаментом и «миниатюрная» поселения Айгинское VIII

Основная группа керамики представлена 124 сосудами, среди которых по особенностям орнаментации выделяются имеющие фигурно-штамповый декор (52 шт.) (рис. 4; 5; 6, 1–12), только гребенчатый (22 шт.) (рис. 7) и украшенные отпечатками гладкого штампа и/или защипами пальцев по сторонам среза венчика (50 шт.) (рис. 8). По форме это в основном средне- и слабопрофилированные горшковидные сосуды с небольшим прямым венчиком, немного меньше керамики с отогнутым венчиком. Все сосуды с хорошо обработанными (заглаженными) стенками (изредка встречаются штрихи-царапины от обработки твердым предметом), две трети имеют в качестве примеси песок, у одной трети прослеживается песок со слюдой, единичны речной камень и шамот. Большинство экземпляров имеют в верхней части шейки пояс круглых ямок, всегда с внутренней стороны образующих жемчужины, иногда приплюснутые. На нескольких сосудах встречен пояс наколов острой палочкой, которые, как и круглые ямки, редко могут дополняться разреженным вторым рядом. Единично присутствует группировка круглых ямок по две, около 10 экз. не имеют ямочного пояса. Большая часть сосудов с фигурными штампами декорирована ниже экватора, меньшая — по плечики, обратная ситуация характерна для гребенчатой посуды, на керамике с отпечатками гладкого штампа и/или защипами пальцев оформлены только стороны венчика. Преобладающий вид оформления венчика — с внешней и внутренней стороны. Около двух третей сосудов имеют скошенный внутрь венчик с нависающим внутрь карнизиком, у одной трети венчик прямой с таким же карнизиком, при этом зачастую вследствие орнаментации внешнего и внутреннего среза венчика образуется сложный «волни-

стый» рельеф, при котором сложно определить первоначальную форму венчика (скошенный или прямой). По размерам сосуда средние — от 11 до 33 см в диаметре по венчику.

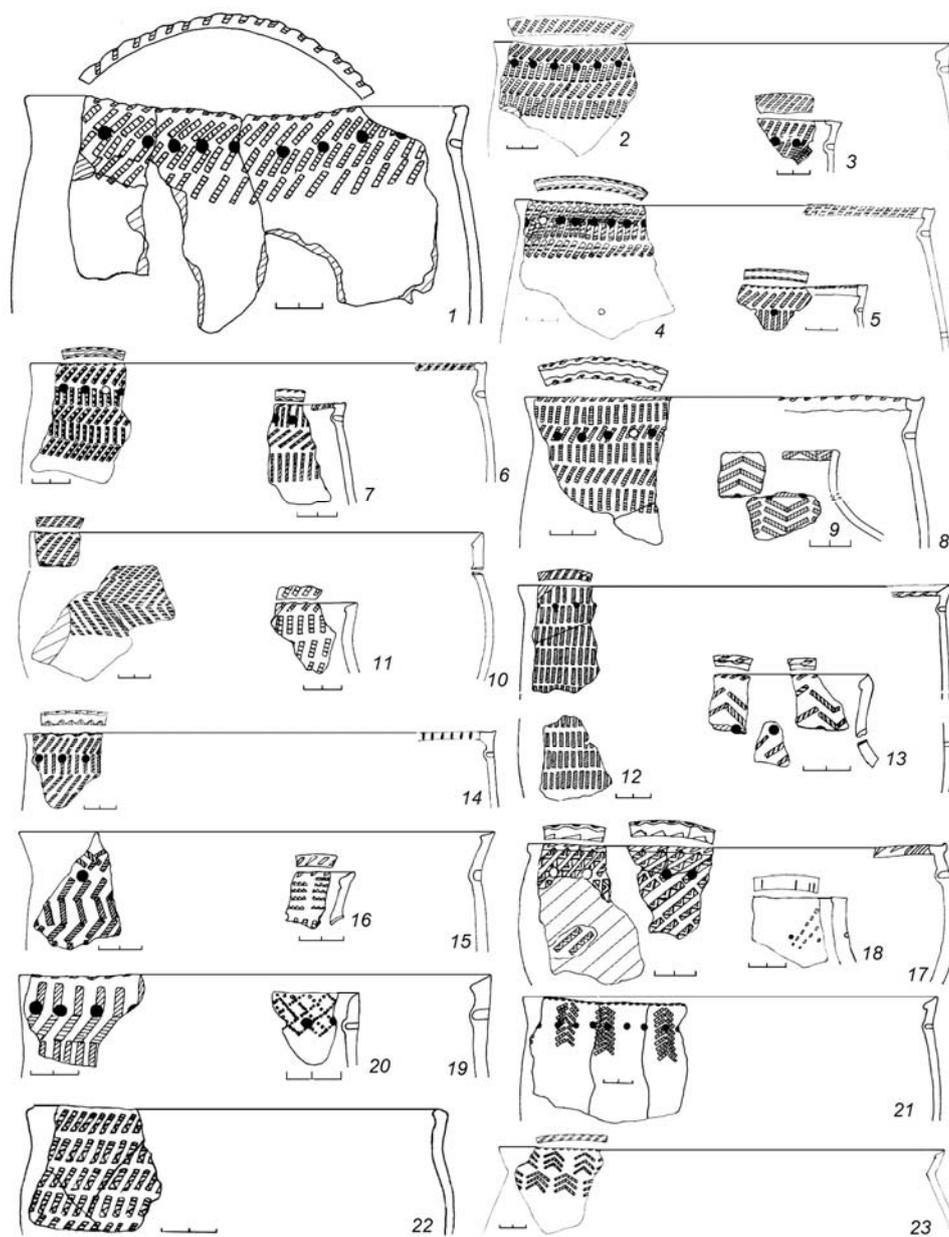

Рис. 7. Керамика с ребенчатым орнаментом поселения Айгинское VIII

Керамика рассмотренного типа широко распространена в лесной полосе Западной Сибири и свое происхождение, как и в данном случае, ведет от саровского типа кулайской культуры, из ареала которой проникла в соседние регионы в результате миграций ее носителей [Чиндина, 1984, с. 92–93]. Связь керамики основной группы поселения Айгинское VIII с саровской подтверждает то, что их можно соотнести между собой без особых затруднений. Так, айгинские сосуды с фигурными штампами соответствуют «классической» саровской 7 группе керамики, а ребенчатые и украшенные отпечатками гладкого штампа и/или защипами пальцев сосуды представлены в 8 группе, которая «известна повсеместно и сопутствует другим группам на протяжении всего существования саровского типа» [Там же, с. 94].

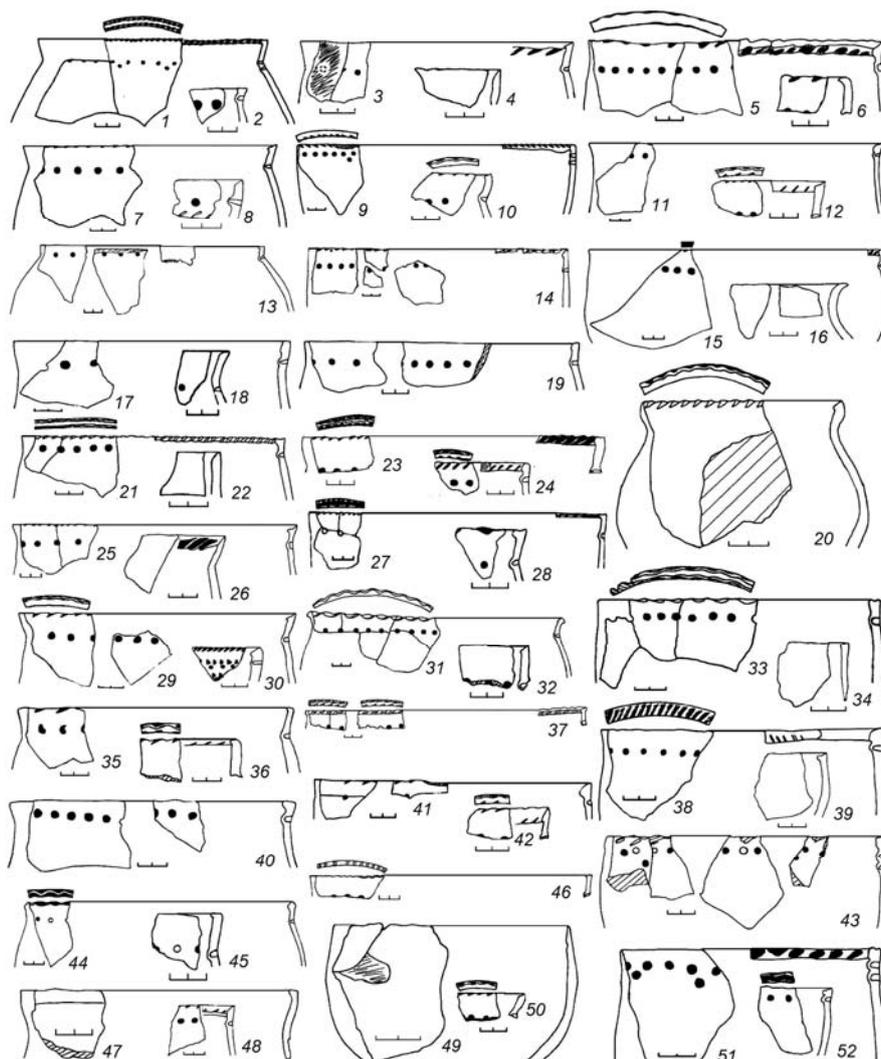

Рис. 8. Керамика с отпечатками гладкого штампа и/или защипами поселения Айгинское VIII

Согласно Л.А. Чиндиной, носители саровской керамики, отделившись от метрополии, в результате длительного существования на большой территории, образовали «локально-хронологические группы» [1984, с. 91], обладающие совокупностью региональных отличий и модификаций, что прослеживается и в данном случае. Так, для саровской керамики характерен высокий процент банок и чаш при небольшом количестве горшков. Но среди сосудов основного комплекса поселения Айгинское VIII преобладают горшковидные при небольшом количестве чаш. Также появляются отогнутые венчики. Отличия прослеживаются и в наборе фигурных штампов. Еще В.Н. Чернецов отметил, что для ярсалинской керамики с городища на Андреевском озере характерно широкое употребление штампов в виде ромба и «змейки» [1957, с. 154], что подтверждается и нашими материалами. Соотношение штампов на сосудах с фигурно-штамповой орнаментацией следующее: трехчленный (48 %), гребенка (44 %), ромб и «уточка» (по 35 %), «змейка» (33 %), уголок (27 %), волна (17 %), двухчленный (13 %), S-видный (6 %), прямоугольный (4 %), четырехчленный (4 %) (рис. 9). Но от саровской айгинская керамика унаследовала «яркий культурно-хронологический показатель» — форму венчика: «В подавляющем большинстве он скошен внутрь или горизонтально уплощен с нависающим внутрь бортиком (карнизком)» [Чиндина, 1984, с. 90], что можно безоговорочно распространить и на керамику поселения Айгинское VIII.

Еще 18 сосудов комплекса поселения Айгинское VIII — «миниатюрные» горшочки и чашечки (диаметром от 5 до 8 см) (рис. 6, 13–30). Лепились они из одного куска глины, о чем свиде-

тельствуют неровные стенки, характерное утолщение к дну, а также отсутствие отформованных венчиков и технологических загибов. Большая часть миниатюрных сосудов имеет декорировку: на двух нанесены насечки по внешнему краю венчика, на одном — по верхнему срезу, одна пара украшена округлыми ямочками, расположенными треугольником, другая — горизонтальным пояском ямок, два сосуда орнаментированы гребенкой, один — штампом в виде гладкой палочки и отпечатками по верхнему краю венчика. Скорее всего, это группа столовой посуды индивидуального пользования, однако некоторые исследователи интерпретируют такие сосудики как детские игрушки [Корякова и др., 1988, с. 120].

Палеозоологических определений немногочисленного остеологического материала не проводилось, но можно сказать, что обитатели поселения содержали коней, о чем свидетельствуют находки зубов лошади. Железный рыболовный крючок (рис. 3, 32) указывает на индивидуальное рыболовство. Несколько пряслиц (рис. 3, 5, 9) говорят об изготовлении тканей. При обработке шкур и/или изготовлении керамических сосудов использовали ложила — специально выполненные (рис. 3, 3) или из черепков битой посуды (рис. 3, 1, 2). Железодельное производство подтверждается находками кусочков шлака и крицы, заготовок изделий (?) (рис. 3, 37) и готовых предметов. Бронзолитейное дело документируется сплесками (капли застывшей бронзы) (рис. 3, 23, 24). Каменный клин (рис. 3, 38), скорее всего, употреблялся при раскалывании деревьев. В быту применялись костяные ложечки (рис. 3, 14). Бронзовыми пластинками (рис. 3, 15–18), судя по дырочкам и специальным загибам, обкладывали предметы из других материалов (например, дерева). В числе украшений — импортные бусы (рис. 3, 25). В военном деле и/или на охоте использовали железные и бронзовые наконечники стрел (рис. 3, 22, 40–42), клинковое оружие (рис. 3, 26), ножны которого скреплялись железными обоймами (?) (рис. 3, 29, 31). В культоритуальных целях изготавливались глиняные фигурки животных и птиц (рис. 3, 6–8, 10, 11).

Хронология

Основной комплекс керамики находит аналогии в материалах Томско-Нарымского и Сургутского Приобья, где подобная керамика относится к саровскому этапу кулайской культуры (I–III вв. н.э. и II в. до н.э. — V в. н.э. соответственно) [Чиндина, 1984, с. 76–94; Чемякин, 2008, с. 78–94], в Новосибирском Приобье она характерна для памятников фоминского типа (конец I — III в. н.э.) [Троицкая, 1979, с. 49–50], в Барабинской лесостепи распространена в среднеиртышских (II–I вв. до н.э. — I–III вв. н.э.) (сперановских, II–I вв. до н.э. — V–VI вв. н.э.) комплексах [Могильников, 1970; Молодин, Елагин, 1991, с. 98–103], в лесном Зауралье — на памятниках туманского типа (первая половина I тыс. н.э.) [Викторова, 1999, с. 139] и др. В Нижнем Притоболье подобная керамика представлена в сборах с городища на Андреевском озере (II–III вв. н.э.) [Чернецов, 1957, с. 155], материалах раскопок поселения Ипкуль XV (вторая четверть — середина I тыс. н.э.) [Корякова и др., 1988, с. 126] и СБАО I (середина I тыс. н.э.) [Викторова, 1976, с. 88], городища Янычково (первая половина I тыс. н.э.) [Морозов, Панина, 1997, с. 76–78].

Сузить хронологические рамки поселения Айгинское VIII позволяют некоторые датирующие находки. К ним относится бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, представленный фрагментом срединной части (рис. 3, 22). Наконечники такого типа в Западной Сибири существовали в двух вариантах — с выступающей или скрытой втулкой, между которыми, как считал В.Н. Чернецов, нет хронологических различий, и датируются они временем не позднее I в. н.э. [Чернецов, 1953, с. 127]. Л.А. Чиндина считает, что кулайские бронзовые трехлопастные наконечники стрел просуществовали до раннесаровского времени — II в. до н.э. [1978, с. 63–64]. Металлографическое изучение бронзовых наконечников и со скрытыми, и с выступающими втулками из состава Холмогорского «клада», по мнению авторов, «заставляет значительно омолодить период бытования этого типа оружия — до III–V вв.» [Зыков, Федорова, 2001, с. 123].

Еще более конкретизировать датировку позволяет бусина (рис. 3, 25). Она представлена продольной половинкой, позволяющей определить округлую форму, имеет бордовый цвет, декор в виде «цветка» с семью желтыми «лепестками» с черной окантовкой и голубым центром. Подобные экземпляры в Западной Сибири представлены в Холмогорском «кладе», где датируются III–IV в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 114, кат. № 42], на Южном Урале известны в Бирском могильнике, где отнесены ко II–IV вв. н.э. [Мажитов, 1968, табл. 1]. Е.М. Алексеева рассматривает такие бусы в группе со сложным орнаментом (растительным и ресничковым) и отмечает, что они становятся популярными в позднеиримское время, приобретая «во II–IV вв. ... бесчисленное множество вариаций» [1982, с. 37]. Таким образом, датировка бусины с поселе-

ния Айгинское VIII охватывает период II–IV вв., однако некоторые ее особенности позволяют еще более сузить датировку. По мнению Е.М. Алексеевой, «к III в. ... сложные орнаменты распространились на округлые бусы с технологическим ядром. Исполнение стало более небрежным: узор искривляется, технологическое ядро часто проступает наружу. Эта особенность позднеримских мозаичных бус впоследствии перейдет и на средневековые сложноорнаментированные бусы» [Там же]. Все эти особенности прослеживаются и на рассматриваемом экземпляре — бусина округлой формы, с искривленным узором и выпирающим технологическим ядром. То есть сама бусина представляет собой переходную форму и характеризует переходное время от эпохи раннего железного века к средневековью. На основе вышесказанного можно с уверенностью определить верхнюю хронологическую границу памятника III в. н.э.

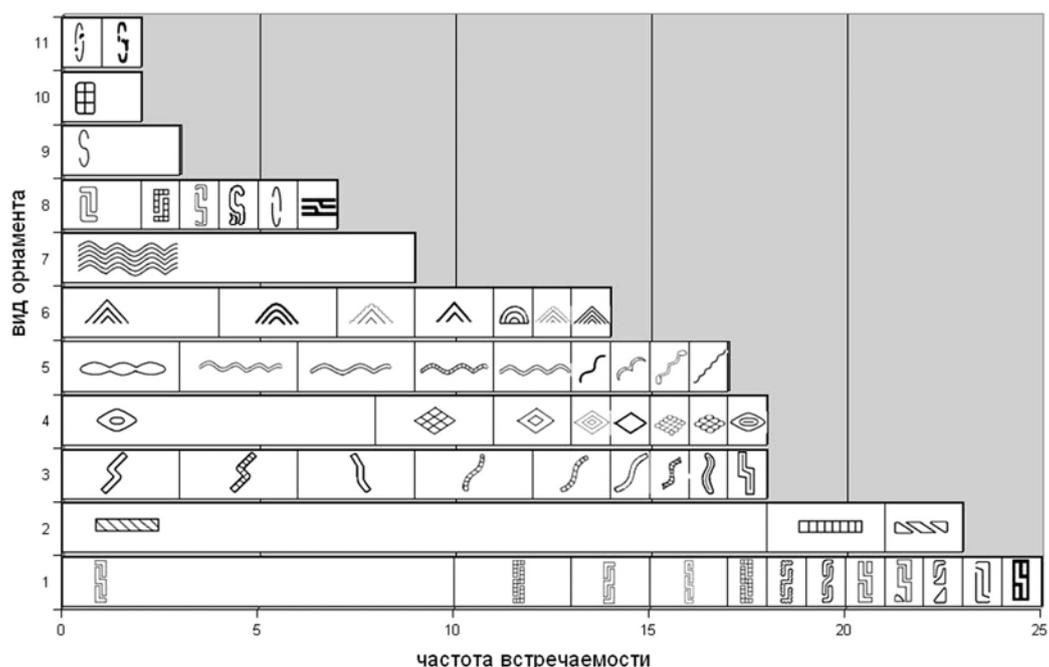

Рис. 9. Соотношение штампов на сосудах с фигурно-штамповой орнаментацией поселения Айгинское VIII

При анализе орнаментации основного керамического комплекса поселения Айгинское VIII также можно отметить некоторые хронологические особенности, способствующие датировке.

В.Н. Чернецов, рассматривая ярсалинскую керамику со Словцовского городища, отмечал, что наличие на ней широкого пояaska ромбических штампов является «признаком хронологическим», характерным для «позднейших памятников в пределах ярсалинского этапа» [1957, с. 154]. И действительно, этот прием орнаментации считается определяющим для последующей, карымской керамики (IV–VI вв.) [Федорова и др., 1991, с. 131–133, рис. 2, А, 3–10; Карачаров, 2002, с. 45–48, рис. 14, 1; Зыков, 2006, с. 113–114]. Следовательно, чем чаще поясок ромбических штампов встречается на ярсалинской посуде, тем она хронологически ближе к началу карымского времени (IV в.). На керамике поселения Айгинское VIII отпечатки ромба по «популярности» на третьем месте и составляют 35 % в орнаментации фигурно-штамповой керамики, встречаясь в восьми вариантах (рис. 9).

Преобладающим видом оттиска на фигурно-штамповой керамике поселения Айгинское VIII является трехчленный, который присутствует почти на половине сосудов этой группы (48 %). Как отмечает В.Н. Чернецов, «верхний предел существования этого орнамента — III в. н.э.» и «в памятниках, которые можно отнести к IV в. н.э., керамики, орнаментированной трехчленным штампом, уже нет» [1957, с. 156]. Также на карымском этапе исчезают «змейки» и «уточки» [Там же, с. 146], столь широко представленные на айгинской керамике (рис. 9). Эти особенности позволяют определить нижнюю хронологическую границу III в. н.э.

Таким образом, индивидуальные находки и особенности керамического комплекса указывают на то, что, наиболее вероятно, поселение Айгинское VIII функционировало в III в. н.э.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что основу населения на Айгинском VIII составляли потомки носителей керамики саровского типа, получившего в Нижнем Приоболье наименование ярсалинского типа. Местный компонент, связанный с предшествующими культурами раннего железного века, не прослеживается. Материалы раскопок подтверждают положение об инфильтрации в лесостепную полосу в начале I тыс. н.э. населения с севера Западной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г 1-12. 185 с.
- Викторова В.Д. Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского оз. у г. Тюмени // ВАП. Тюмень. 1976. С. 63–88.
- Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костыще // Охранные исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 126–153.
- Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленар. докл. II Сев. археол. конгр., 24 сент. 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 109–124.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Карачаров К.Г. Средневековье: (Поздний железный век) // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу): Науч.-ист. очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 44–65.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 117–129.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. 164 с.
- Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 181–185.
- Молодин В.И., Елагин В.С. Бараба в начале I тыс. н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Морозов В.М., Панина С.Н. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 76–90.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чемякин Ю.П. Барсова гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35. С. 121–176.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э.: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.
- Чиндина Л.А. Кулайская культура в Нарымском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 59–65.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

Тюменская государственная академия культуры,
искусств и социальных технологий
gordienko_a_v@mail.ru

The article cites a complete publication of materials regarding excavations of the Ajga VIII settlement. The materials refer to III c. A.D., describing a cultural and historical situation in the Low Tobol basin during the Great migration. As a result, it was established that the basis of the population in the Aiga VIII was constituted by descendants of bearers of Sarov type pottery, named as Yar-sale type in the Low Tobol basin. The excavation materials confirm penetration of population from the north of West Siberia into a forest steppe stripe in early I millennium A.D.

Low Tobol basin, the Ajga VIII settlement, first half of I millennium A.D., pottery of Sarov type, pottery of Yar-sale type.